

В ТЕАТРЕ все меняется. В том числе и слова. Профессия, которая в обычной жизни называется прозаически "контролер", здесь именуется звучным "капельдинер". "Капельдинер" - это контролер билетов, гардеробщик и продавец программ в одном лице. Рассказывает Елена Михайловна ХОЗОВА - самый старый капельдинер Большого театра.

ЗАЛ

- ПУБЛИКА изменялась, конечно. Раньше ходила публика интеллигентная. Студен-

гда. Коллеги ж друг другу правду никогда не скажут! Спросишь как я пела? Все хорошо, скажут, все в порядке. А я говорю: "Неправда. Вот в этом месте тебе надо было наверх звук собрать в пучочек и пустить ракеточкой, прикрыть верхнюю ноту". А в среднем регистре, - скажу, - ты расширила звук, и за счет этого у тебя верхняя нота плохо звучала". Я знаю все мертвые точки на сцене. Есть у нас мертвые точки. Здесь роскошно поешь, а шаг вправо сделаешь - пропадает звук. Я вот сама, когда в зале одна останусь, пробую всегда звук. Ле-ла-лу. Как звучит - акустику. У

С меня начинается театр

чество, молодежь. Из музыкальных учебных заведений. Я так тоже сюда в первый раз попала - на галерке сидела. Мы ходили без билетов. Платили рубль на входе и проходили вдвоем. Как студенты. А в партере, безуаре сидела публика изысканная. Все туфельки всегда принесут, сумочку. Никто в сапогах не пойдет - все одетые, с улыбка-ми, возбужденные. А сейчас жизнь так затюкала, видно, что приходят все сплошь в рваных грязных джинсах. И потом - раньше только правительство ложи имело, а теперь все ложи покупают. Двое сидят в ложе, а там восемь мест. Я захожу на каком-то спектакле и говорю: "Господа, разрешите к вам подсадить народную артистку?" - "Нет. Не хотим, - говорят, - чтоб нам в спину дышали". Пошли и на меня нажаловались. А когда им пальто вешают, они каждый раз спросят: вы знаете, сколько это пальто стоит?"

Да, зал раньше был другой. Восторженный. Забрасывал букетами. Тогда принято было цветами забрасывать. Цветы, правда, дешевые были. Розами засыпали сцену, когда Лемешев пел, Васильева с Максимовой, Ляпу. Однажды во время выступления Лемешева, до-мремю, большой букет на арфу попал и порвал струны. Да. После этого директор издал распоряжение: не кидать цветы на сцену.

СЦЕНА

46 ЛЕТ назад, когда я сюда пришла, в театре такой состав был, что ни один "Метрополитен" с ним не сравнится бы. Это были такие спектакли - в каждом семь-восемь звезд первой величины. Я замывала от наслаждения и оплакивала Лемешева, например, в дуэти, или когда Уланова умирала в "Бахчисарайском фонтане". Самые любимые мои были вечера, когда Пирогов пел в "Борисе Годунове". Ой, я прямо упивалась этим Лемешев - когда он в "Онегине" Ленского пел и Альфреда в "Травиате". Очарованье! Шунискую я обожала во всех партиях. Между прочим, она в жизни была знаете какая некрасавая! Полная такая, овал лица неправильный. А когда начинала петь, превращалась в прекрасную красавицу.

У нас и сейчас молодые солисты - роскошные. Вот серебряный колокольчик - Лариса Рудякова, прекрасная колоратура. Как она роскошно поет "Лючия ди Ламмермур"! Вот она поет, и рядом с ней - флейта. И она как будто соревнуется с флейтой. Инструмент звучит, пассаж выпевает - и Ларисочка вторит ему, как соловей! Во весь диапазон флейты - три октавы - она повторяет! Соловей настоящий - серебряный у нее тембр. Еще у меня кумирша новая - Дурсенева Александра. Высокое меццо у нее. Бархатный тембр и ровность необычайная голоса. Все три регистра - все настолько сглажены. Как будто нет переходных нот вообще!

Единорегистровая система - это высший пилотаж. Это у нас только у Ирины Константиновны Архиповой было - я-то помню! Все тонкости вокала понимаю, все нюансы, я совершенно профессионально разбираюсь в этом! Ко мне певцы бегают за советом все-

нас акустика изысканная раньше была, знаете? А потом что-то нарушилось после ремонта, когда поднимали полы в ложах.

ЗАКУЛЫСЬЕ

БОЛЬШОЙ театр - это, дорогая моя, целый мир. Я, когда пришла, в административной секретарем-машинисткой работала и табельщицей. За кулисы первый раз попала - там настоящий лабиринт. И я все путала левую сторону с правой. Это же разделяется сторона мужская и сторона женская. Здесь нельзя, чтоб мужчина с женщиной вместе были, потому что идет танцор из душа раздетый совсем, ему навстречу должен мужчина попадаться. А я путала. Такой лабиринт мне казался. Заблудиться можно костюмерная, склады, гардеробы. Это сейчас-то я, конечно, уж с закрытыми глазами.

Мы артистов всех знаем. Ой, с Лемешинской я до сих пор общаюсь! Она меня зовет Рыжик. Она часто бывает в театре, Ольга Васильевна! Очень она общительная. Галина Сергеевна вот другого плана был человек, Уланова. Помню один раз в лифте навстречу - и со мною Галина Сергеевна, в репетиционный зал едет. Вдвоем мы в лифте. А у нее пуанты в руках, еще что-то. Я говорю: Галина Сергеевна, зрители все время спрашивают, когда ваш следующий спектакль? Она стеснялась до того "Шопениану". Вот я и говорю: "Спрашивает публика без конца, когда следующий спектакль?" А она мне: "Не знаю". И все "Не знаю" сказала. И больше на сцену никогда не вышла. Точку поставила.

...ДОМ?

ОХ, я по театру в отпуске скачу! Думано, скорее бы сезон! По молодости я даже свидания в театре называла. Кавалеру своему Соскучился, говорила, - ну что ж, приходи на спектакль, увидимся. Это ж жизнь наша! Жизнь. Родные мы здесь все. Придешь в театр - и отключаешься. От несчастной этой действительности. Уходишь в тот мир, другой, красивый. Музыка, цветы, оркестр - наслаждение! Так что я счастливая. Так и напишите. Капельдинер уже сорок шесть лет. Очень счастливая. Очень.

Записала Мария ВАРДЕНГА

1999, № 20 - 116